

ДОЖДАВШИСЬ ГОРБАЧЕВА*

О книге: *Shadows and Whispers: Power Politics Inside the Kremlin from Brezhnev to Gorbachev* by Dusko Doder
Random House, pp. 339

I

Осенью 1985 года я, на этих страницах,¹ высказал предположение, что Советский Союз, возможно, „начнет менять свой курс“. Его руководители могут решить, чувствовал я, „что экономический прогресс важнее, чем угрюмое цепляние за какую-либо форму полицейского контроля, в то время как их политическая легитимность постепенно убывает“. Я высказал предположение, что Горбачев будет продолжать усилия по устранению наиболее непримиримых к его курсу официальных лиц с ключевых должностей, а затем, создав широкий круг сторонников, „начнет программу реформ“. Похоже, он осознает, что „экономическая реформа не сможет быть эффективной без сопутствующих ей общественных и политических реформ“. Поэтому советские специалисты могли бы теперь надеяться на более конструктивные отношения с горбачевским режимом. Коалиция сторонников реформ, в которую они, как

* По-английски статья была напечатана в журнале „The New York Review of Books“ от 28 мая, 1987 г.

можно ожидать, войдут, весьма усилится, если Горбачев решится на „уступки инакомыслящим“. В той ситуации, в которой находились эти последние, считал я, они „воспримут это положительно, по крайней мере, сперва“, что логически приведет к „существенному ослаблению контроля в области культуры“. Деморализующая утечка выдающихся талантов на Запад — вследствие эмиграции и побегов — стала „национальной проблемой, ожидающей, когда за нее возьмется смелый политик“.

У нынешней советской ситуации есть и опасная сторона. Должности многих влиятельных членов правящего класса, „номенклатуры“, оказались под угрозой, „поскольку Горбачев захочет отдать эти посты своим сторонникам, или потому, что реформы, о которых он, конечно же, думает, могут скоро привести его к мысли вообще отменить некоторые должности или убрать занимающих эти должности сейчас как несоответствующих новым задачам“. И это обстоятельство, и радикализм риторики горбачевской реформы привели к созданию оборонительной коалиции консерваторов и реакционеров. Вследствие этого „будет очень трудно приступить к осуществлению оптимистической программы, обрисованной мною, и еще труднее ее выполнить“. Наиболее вероятным исходом острого конфликта между сторонами будет, как я писал, „некоторого рода победа — возможно, частичная и непоследовательная — реформистских сил“. Однако сторонники Горбачева „могут и не преуспеть в осуществлении своих замыслов, и в итоге утратить власть в пользу соперничающей фракции“.

Через полтора года события, похоже, разворачиваются более или менее в намеченной мной тогда последовательности: Оценить нынешнюю ситуацию и поставить новые вопросы может помочь книга Душко Додера и других авторов, освещающих различные уголки кремлевской сцены в 80-е годы.²

Самые интересные из возникших теперь вопросов таковы: сумеет ли Горбачев Отважный добиться успеха там, где провалился Хрущев Неустрашимый? Достаточно ли сильна коалиция Горбачева, чтобы разработать, внедрить и провести действенные реформы, соответствующие выдвигаемым теперь радикальным предложениям? Прочна ли его личная власть? Должен ли Запад как-то помочь ему, и если да, то как?

Додер рассматривает все эти вопросы, кроме последнего, в своей интересной, ценной и самобытной книге „Тени и шепот”. По понятным причинам многие его ответы амбивалентны. Он искренне желает успеха Горбачеву, но когда этот сердечный порыв заводит его слишком далеко, разум омрачает его надежды сомнениями и скептицизмом. Так, о пятилетнем периоде с 1981 по 1986 год, в основном проведенном им в Москве в качестве руководителя бюро „Вашингтон Пост”, он пишет: „Я был свидетелем смены властителей, засевавших в окопах, новым поколением, желающим реформ. Горбачев намеревается модернизировать страну и десталинизировать ее политическую и экономическую систему”. В этом месте, как раз, когда у него прорывается нотка зйфории, Додер вдруг пишет: „время покажет, способен ли он подчинить систему своим целям”.

На заключительных страницах книги амбивалентность усиливается: „несомненно, процесс изменений... будет продолжаться в направлении, определенном Горбачевым. Несомненно все новые люди будут выдвигаться на передний план, если импульс изменений не иссякнет.

Но проблемы все еще огромны и, возможно, неподъемны. В этой стране... необыкновенно консервативное общество, и изменить направление его движения нелегко. В прошлом оно подчинялось, в основном, силе. В этом плане Горбачев предстает почти трагической фигурой... Вызов, брошенный им, может оказаться чрезмерным и самонадеянным. Горбачев начал как серьезный реформатор, но он может стать автократом, если унаследованные им проблемы окажутся неподатливыми и если иссякнет энергия его сторонников и ослабеет их поддержка нынешнему кремлевскому руководству”.

Додер блестяще вскрывает политические конфликты в партийном руководстве, он великолепно чувствует, что представляют собой такие ключевые фигуры как Андропов, у него свой взгляд на происходящее в Москве. Но он уделяет слишком много внимания политике в ущерб проблемам общества и культуры, личностям — в ущерб анализу системы, и Москве — в ущерб стране в целом (не говоря уже о всей советской империи).

Последствия такого под хода неоднозначны. Под влиянием рафинированных москвичей, которые были главным источником

его информации, Додер более всего ошарашен тем, что преемником Андропова стал Черненко. Он недооценил силу партийного аппарата на местах, который предпочел безопасного Черненко рискованному будущему, представленному Горбачевым. Правда, когда Додер отважился отправиться в провинцию, то, как он сам пишет, „огромность и сложность страны прояснили мое представление о сложности миссии Горбачева”. Но центром кругозора Додера по-прежнему оставалась Москва. Он мало что может сказать и о Восточной Европе, кроме того, что в связи с ней усиливается политический риск экономической реформы в СССР. Если радикально изменится Советский Союз, Восточная Европа будет склонна последовать за ним. Как показывает недавняя история, результаты могут быть потенциально разрушительными.

Додер дает яркие портреты всех четырех советских лидеров, при которых он был в Москве. Ему повезло взять интервью у Черненко; но наиболее полным и самобытным из всех четырех оказался портрет Андропова — самая ценная часть книги. На 45 весьма запоминающихся страницах Додер представил тщательно проведенный и четко написанный анализ, что характерно для всей его работы. Он завоевал доверие друзей и родственников недавно умерших советских руководителей и собрал у них ценную информацию; с помощью интуиции и опыта оценил точность тех данных, которые он не мог проверить, и затем опубликовал свои изыскания, не раскрывая слишком свои источники. Так Додер нарисовал образ Андропова — загадочной и противоречивой личности, сочетавшей храбрость с робостью, просвещенность — с обскурантизмом и реакционностью, беспощадность с вежливостью, упорство со слабостью. Это портрет главы тайной полиции, травившего диссидентов и писавшего стихи своей жене и друзьям. Одно из этих стихотворений, факсимиле которого приводит Додер, свидетельствует, что Андропов был не лишен поэтического чувства и искусен в стихосложении. В несколько старомодном стихотворении о невозможности для него принять идею смерти Андропов пишет:

*Но в час положенный, и я, как все, умру,
И память обо мне сотрет седая Лета.*

Тонкие зарисовки характеров, сделанные Додером, могут создать у читателя впечатление, что личность руководителя столь важна в советской политике, как в западных демократиях. Но это не так. Как сам Додер постоянно подчеркивает, будущий советский вождь не может слишком раскрывать свои личные качества, пока не достиг самой вершины. Горбачев, например, произносил „скучные и нудные” речи, когда был младшим членом Политбюро, но „тем не менее, всего через месяц после своего назначения на пост генсека он обнаружил поразительное ораторское мастерство. Очевидно, он сознательно скрывал свой природный дар в течение предшествующих лет. До конца 1985 года он не мог наложить отпечаток своей личности на кремлевское руководство; он не мог после своего избрания привести с собой новую администрацию, как это было бы на Западе, а должен был бороться за каждое понижение и повышение. Что касается Андропова, тот должен был демонстрировать безусловную лояльность Брежневу в течение 15 лет, а когда он, наконец, в 1982 году занял его место и мог раскрыться, было поздно: он умирал”.

Додер стремится к объективности в своих политических анализах, он не удерживается от прямолинейных комментариев описываемых событий, особенно в тех случаях, когда люди Запада проявляют наивность в оценке советской системы. Визит Билли Грэма в Москву в 1982 году, тайно организованный КГБ, один из таких подробно описанных им эпизодов. Во время служб Грэма церкви были забиты офицерами КГБ — „молодыми, гладко выбритыми, стоявшими спокойно и выглядевшими набожно”. Грэм сделал ситуацию „еще более гротескной, когда заявил на пресс-конференции, что не встретил ограничений свободы религии в течение своего шестидневного визита... Мы все были взбешены этим его замечанием, так как Советы совершенно открыто говорят о своей оппозиции к религии”. Затем Грэм высказал предположение, что русские питаются лучше американцев, сказав: „Мне давали икру здесь почти каждому завтраку, обеду и ужину”. Додер комментирует:

„Оперативники КГБ, находившиеся в аудитории, должно быть, были польщены. В то время нехватка продовольствия стала столь серьезной, что как раз тогда Брежнев предложил

новую „продовольственную программу”, чтобы заверить население, что предпринимаются шаги для смягчения проблемы”.

Хотя иногда Додер ссылается на Никиту Хрущева, ни он, ни другие комментаторы не останавливаются на знаменательных параллелях между Хрущевым и Горбачевым. Конечно, между ними много различий, но сходство темпераментов и обстоятельств, при которых и тот и другой пришли к кормилу власти, а также стратегии, принятой ими для преодоления унаследованной инертности, действительно поражает. Каковы же, в таком случае, шансы Горбачева избежать судьбы Хрущева — быть свергнутым через несколько лет в результате дворцового переворота? Стали ли проблемы СССР более насущными сейчас, нежели 30 лет назад? Есть ли свидетельства, что поддержка горбачевской смелой, но рискованной стратегии — модернизации через демократизацию и гласность, сильнее, чем та, которой располагал действовавший по сходной стратегии Хрущев? Способен ли Горбачев, намного более образованный и менее порывистый, превзойти в успехах своего предшественника?

Целью Хрущева после удушающей *неподвижности* последних лет жизни Сталина, было: „снова привести страну в движение”. Он хотел укрепить экономику и общество, меньше уделять внимания мировой революции и больше — сохранению мира; улучшил отношения фактически со всеми иностранными державами. Такая стратегия позволяла, как он надеялся, охранить власть партии и укрепить обороноспособность СССР, чтобы, когда экономика и общество окрепнут, распространить коммунизм за границей силой примера, т. е. опираясь на более традиционные методы. Чтобы легитимизировать новую стратегию и мобилизовать население на ее осуществление, Хрущев пересмотрел марксистско-ленинскую идеологию, подробно расписав по стадиям путь к коммунизму. Он дал населению множество стимулов, увеличив заработную плату, приняв впечатляющую программу жилищного строительства, усовершенствования здравоохранения и образования (направив туда средства, полученные за счет увеличения производительности труда и сокращения военных расходов), и обещая всеобщее материальное изобилие к 1980 г. „Моральные” и политические аспекты его деятельности были еще более впечатляющими. Прежде всего он положил

конец преследованиям, освободив миллионы политических заключенных, резко ограничив власть тайной полиции и пересмотрев законодательство; во-вторых, он энергично способствовал демократизации советского общества и „отмиранию государства“, что в совокупности должно было привести к „народному самоуправлению“; в третьих, он стремился установить социальную справедливость путем ограничения привилегий „номенклатуры“ — иерархии должностных лиц — и повышением статуса беспартийных и женщин.

Для осуществления этого и сохранения основы своей власти Хрущев сместил многих чиновников — сталинистов. На их места он выдвигал деятельных, самостоятельно мыслящих и высококвалифицированных 35—45-летних специалистов. Одним из основных инструментов осуществления задуманной им программы была *гласность*. Сам по себе этот термин не использовался широко, но освежение и обновление средств массовой информации, хотя и остававшихся под контролем режима и служивших его политике, было по своей природе тем же самым, что *гласность* в последний год. Как и Горбачеву, Хрущеву нужна была *гласность*, чтобы знать действительное положение в разных областях, стимулировать дебаты по вопросам экономической реформы, поддерживать оживление в культуре, провести чистку своих противников и впечатлить Запад темпами и размахом преобразований. Для воспитания в духе *гласности* он призывал к „критике и самокритике“ во всех областях жизни.

Хрущев верил в стимулирующее воздействие дисциплины. В последние свои годы у власти, он усилил борьбу с коррупцией, введя, например, смертную казнь за многие экономические злоупотребления. Он начал также кампанию против пьянства и отлынивания от работы.

Действуя административными методами, зачастую по плохо продуманным планам, Хрущев пытался, тем не менее, повысить эффективность централизованного планирования экономики, сокращая влияние на него средних звеньев власти (в республиках и районах). Он пытался ослабить контроль из центра за руководителями производства и поощрить участие рабочих в принятии решений по управлению предприятиями. Он проявлял острый интерес к югославской системе, где рабочие сами

избирают руководителей, и экспериментировал с выборами в местные советы при наличии нескольких кандидатов. В 1961 г. он прибегнул к радикальным мерам внутри партии, требуя регулярной сменяемости посредством выборов чуть ли ни всех звеньев партийного руководства. В то же время он не проявлял склонности — ни в одном из своих начинаний по демократизации — к изменению основ советского правления, прежде всего монополии партии на власть в государстве.

И, наконец, во внешней политике в цели Хрущева входила договоренность о международном контроле над вооружениями и о достижении равновесия сил между сверхдержавами — СССР и Соединенными Штатами. Одновременно Хрущев решительно демонстрировал, что у СССР есть свои государственные интересы (это и привело к энергичным акциям на Кубе и в Берлине), и стремился к частым встречам с президентом США.

Не правда ли, все это очень похоже на политику Горбачева? Действительно, направление горбачевской стратегии и его деятельность в первые два года весьма сходны с тем, что пытался сделать Хрущев 30 лет назад в мало отличающихся условиях. Чтобы проиллюстрировать это, я сперва рассмотрю действия Горбачева по сию пору. А затем, памятуя, что часто наивный радикализм, а порой и неумелость хрущевской политики постоянно приводили к отстранению ключевых групп, от которых зависела его собственная власть, и, в итоге, привели к его падению, я попытаюсь оценить влияние горбачевской политики на его собственные перспективы удержания власти ныне и в будущем.

Горбачев, как и Хрущев, важнейшую свою цель видит в экономическом и социальном развитии Советского Союза. Но он оценивает свои возможности менее оптимистически. Хрущев полагал, что успехи СССР преобразуют весь мир в коммунистический, Горбачев же неоднократно подчеркивал, что смысл его программы перестройки в том, чтобы СССР не откатывался назад. В 1985 году он сказал, что только для поддержания уровня жизни и удовлетворения потребностей обороны, темпы развития экономики должны равняться 4% в год, а не теперешним 3%. Более того, если СССР не сумеет этого добиться, это повлияет на „судьбы социализма в мире“. Позднее он сказал:

„если захлебнется перестройка, последствия будут куда более серьезными для общества в целом и для каждого советского человека”.³

Отсутствие традиционного коммунистического восхваления характеризует новую партийную программу, принятую в прошлом году. Как отмечает Додер в своей книге, этот важнейший документ более не провозглашает „падения империализма” и всемирной победы коммунизма, а говорит только, что „движение человечества к социализму и коммунизму” необратимо. Тональность речей Горбачева такова же. Их очевидная цель — стимулировать советский патриотизм, то есть заботу о благополучии страны; о распространении коммунизма за пределы СССР не упоминается даже мельком.

Можно, конечно, настаивать, что эта новая позиция только тактика и обман, какими были ленинская „новая экономическая политика” и хрущевское „мирное сосуществование”, и что это только последний пример стратегии „двух шагов назад перед шагом вперед”. В теоретическом плане этот аргумент, возможно, верен. Можно представить себе, что именно этим объясняют необходимость реформ в высших кругах Москвы; если даже это так, то такая теория все-таки как-то отразится на советской международной политике. Но я полагаю, что разумнее рассматривать СССР, по крайней мере в настоящее время, как сверхдержаву, действующую в собственных интересах, то есть принять заявление Горбачева за чистую монету.

Горбачев говорит, что для реализации этих планов нужно мобилизовать „неисчерпаемые ресурсы социализма”. Централизованное планирование и новейшая технология очень важны, но наименее использованный ресурс — это „человеческий фактор”. Партия должна вывести массы советского народа из апатии и убедить их, что каждый гражданин заинтересован в успехе „перестройки”. Это, по словам Горбачева, требует „... серьезной, глубокой демократизации советского общества... что позволит нам вовлечь в реконструкцию решающую силу — народ... Демократия нам нужна как воздух. Если мы этого не поймем, ... то захлебнется наша политика, задохнется перестройка, товарищи”.⁴

Необходимо расширять „самоуправление народа”. В конце

концов, „порядок в доме может навести лишь человек, чувствующий себя его хозяином”.⁵

Все это, вместе со многими другими компонентами *перестройки*, требует глубоких изменений психологии и отношения к происходящему — не только обычных людей, но, как Горбачев неоднократно подчеркивал — должностных лиц на всех уровнях. Одни лишь призывы не приведут к таким изменениям. Пока самое радикальное предложение Горбачева: выборы в партийные и в советские органы должны стать более демократическими и рабочие должны сами выбирать руководителей производства. Впервые партийные выборы будут действительно тайными и избиратели будут иметь действительную возможность выбирать из нескольких кандидатов. Жесткий отказ ЦК поддержать эти предложения в январе, очевидно, не обескуражил Горбачева. Месяцем позже он начал яростное наступление на своих критиков. (Их речи не были опубликованы, что показывает пределы „гласности”). В обращении к профсоюзам в конце февраля Горбачев по существу разобрал и отверг утверждения, очевидно направленные против него: „Мы идем не в сторону от социализма, а через перестройку разворачиваем потенциал социалистического строя. Не в сторону от демократии... Нам такие сильные формы демократии как *гласность*, критика и самокритика, нужны для осуществления радикальных преобразований во всех сферах общественной жизни...

Тот, у кого возникают сомнения в целесообразности дальнейшей демократизации, явно страдает одним серьезным недостатком... не верит в наш народ. Видите ли, якобы демократия будет использована для того, чтобы дезорганизовать общество и подорвать дисциплину, подорвать крепость строя...

Демократия не противоположность порядка. Напротив — это порядок более высокого уровня, основанный не на бездумном послушании, слепой исполнительности, а на полном, инициативном участии членов общества во всех делах.

Демократия — не противоположность дисциплины. Напротив, это сознательная дисциплина и организованность людей труда...

Демократия — не противоположность ответственности, не бесконтрольность и вседозволенность... Напротив, это —

самоконтроль общества, основанный на доверии к гражданской зрелости и понимании общественного долга советскими людьми, это единство прав и обязанностей... И чем больше у нас будет демократии, тем быстрее мы пойдем вперед по пути перестройки, социалистического обновления, тем больше будет порядка и дисциплины в нашем социалистическом доме. Так что вопрос сегодня стоит так: либо демократизация, либо социальная инертность и консерватизм. Третьего тут не дано, товарищи".⁶

Основное направление „этических” или эмоциональных побуждений горбачевской фракции, с их опасными для консерваторов анархосиндикалистскими веяниями, теперь ясны. Что еще предлагают они населению?

Кроме поддержки советского патриотизма более внимательным отношением к культурному наследию страны, более либеральным подходом к народной культуре, и попытки воспитать гордость за свой народ в руководителях, которые теперь уже не дряхлые старички, и укрепления советского влияния в кампаниях за мир, особые усилия были предприняты, чтобы мобилизовать на поддержку горбачевской программы либеральную интеллигенцию, и в этом был достигнут значительный успех. „Горбачевцы” выслушивали идеи интеллектуалов о возможных политических реформах и их сообщения на самые разные, включая ранее находившиеся под запретом, темы: наркотики, аборт, самоубийства, бездомные и так далее. Они привлекли на свою сторону другие группы интеллигенции, передав в их руки контроль в области культуры и разрешив больше *гласности* в области школьного преподавания, в литературе и в искусстве. И они сделали впечатляющий жест, освободив более сотни людей, имевших тесные связи с либеральной интеллигенцией — зачастую друзей и родственников — из трудовых лагерей для политических заключенных, и обещают освободить много больше.

Очевидно, что *гласность* — это обоюдоострая политика. Можно надеяться на увеличение доверия к руководству и расширение круга сторонников реформ с помощью гласности, открывающей народу глаза на необходимость этих реформ. Но честная, мрачная картина социальных и экономических недугов, которую дает гласность, на самом деле может породить как

активность, так и апатию. Постоянные и вполне искренние ссылки на всепроникающую оппозицию реформам могут утвердить консерваторов по всей стране, что они не одиноки и что им только следует выждать время для контратаки.

Наоборот, освобождение политических заключенных, пришло, по крайней мере на короткое время, более существенный выигрыш, чем просто доставление удовольствия либеральной интеллигенции. Одобрительные отклики за рубежом дали возможность Андрею Сахарову, без ущерба для его убеждений, выступить в поддержку горбачевской генеральной линии и с критикой американской программы „стратегической оборонной инициативы”. Но *гласности* не хватило, чтобы московской „Литературной газете” было разрешено опубликовать проведенное ею интервью с Сахаровым. Кроме того, в связи с нарушениями прав человека репутация Кремля и сейчас запятнана, и либерализм не достиг уровня, разрешенного режимом между 1974 и 1979 гг.

Действительно, более сотни широко известных политзаключенных освобождены, разрешены многие персональные случаи, касающиеся иностранцев, передачи радиостанции БиБиСи не глушат, в Москве стерпели несколько демонстраций, а советским дипломатам, по меньшей мере, разрешили обсуждать случаи, касающиеся прав человека.

Но стоит подчеркнуть, что до настоящего времени освободилась лишь незначительная часть из нескольких тысяч политических и религиозных заключенных, а некоторым освобожденным заключенным угрожают арестом, если не будут вести себя тихо. Аресты инакомыслящих, особенно баптистов, продолжают, и продолжают погребения людей в психиатрических больницах, хотя и те и другие случаи стали более редкими. Кроме БиБиСи, другие зарубежные радиостанции продолжают глушить.*

Даже в Москве, которая является витриной либерализации, некоторые демонстрации разгонялись с применением насилия.

* С конца мая 1987 г. прекратили также глушить „Голос Америки”. — Ред.

Тяжелые условия содержания в местах заключения не улучшились. И — возможный источник напряжения за границей и дома — законы об эмиграции, вступившие в силу в январе этого года, стали жестче, а не либеральнее, чем ранее. Около 11 тысяч давних отказников-евреев, возможно, будут отпущены в этом году ради жеста в сторону Запада. Но если затем закон будет применяться строго, лишь небольшая часть из более чем полу-миллиона евреев, немцев и армян, выразивших желание эмигрировать, смогут получить разрешение на выезд.

Что можно сказать о горбачевской политике материальных поощрений? Во-первых, он поддерживает надежду на решительное улучшение жизненных условий, провозглашая осуществление планов в области экономики, возможно, слишком амбициозных, к 2000 году. Затем, он пошел „с козырей”, решив увеличить разницу в заработной плате, награждая способных и трудолюбивых, и строго поступая в отношении лодырей, пьяниц, растратчиков и взяточников. И, наконец, он всячески подчеркивает важность „социальной сферы” и решимость Кремля улучшить качество жизни.

Здесь возникает суровая дилемма. На январском пленуме Горбачев попытался заручиться поддержкой своей политики, сделав несколько реалистически звучащих заявлений:

„О нашей политике, о перестройке люди будут судить — и чем дальше, тем строже — по осязаемым результатам в практическом улучшении условий труда и жизни миллионов: насколько стала четче организация производства, справедливее оплата труда, ускорилось строительство жилья, улучшилась торговля, бытовое обслуживание, работа городского транспорта, поликлиник, больниц; насколько чище, свежее нравственный климат в партийной организации, в трудовом коллективе”.⁷

Но несколько позднее он повторил ранее сделанное предупреждение, что никакого заметного улучшения жизненных стандартов не следует ожидать ранее 1990 года. Будет ли советский народ работать напряженнее в течение пяти лет под водительством Горбачева, если обещанное вознаграждение столь отдаленно и неопределенно?

Когда мы обращаемся к тактике горбачевской фракции в области политических и социальных проблем, картина становится более расплывчатой. Тем не менее, некоторые общие принципы ясны. Партийная иерархия и штаты министерств, направляющих огромный государственный сектор экономики, должны быть сокращены; незначительные сейчас кооперативный и частный секторы экономики, по-видимому, будут расти, хоть и медленно. Значение рыночных отношений возрастет, администрация сократится. Власть среднего связующего звена экономического управления в республиках и районах — должна быть резко сокращена и его функции разделены между центральной администрацией, с одной стороны, и непосредственным руководством предприятий, с другой. На районном уровне и выше были назначены на многие важные посты более молодые (в возрасте 55—65 лет) и более динамичные руководители. В сельском хозяйстве Горбачев пошел путем, отличным от Хрущева и более благоразумным: вместо поддержки традиционных колхозов и совхозов, он хочет внедрить (на практике, если не в теории) небольшие кооперативы и шире использовать свободный рынок.

Но когда дело доходит до реальных политических программ, вырисовывается несколько смущающая картина. Странники разных направлений расходятся во мнениях по поводу того, что надо делать, и поэтому никакие значащие реформы до сих пор не начаты и не разработаны согласованные проекты таких реформ. „Каждая группа экспертов имеет своих сторонников среди партийно-государственной верхушки”, — сказал один, по-видимому, осведомленный наблюдатель, — и „в итоге начинают одновременно проводиться эксперименты и мероприятия, отражающие воззрения разных групп и противоречащие друг другу... Правящая группа вынуждена жить только сегодняшним днем”.⁸

Тогда что же является основой, на которой Горбачев и его сторонники хотят сплотить политическую коалицию? Говоря попросту, они пытаются мобилизовать наиболее динамичные элементы и в *номенклатуре*, и вообще в обществе. Наиболее заметного успеха они достигли пока в среде интеллигенции, в средствах информации и аппарате внешней политики.

К обширным социальным группам, интересы которых игнорировались при Брежневе, — к женщинам, к молодежи и к беспартийным — они обращались с учетом этих новых интересов. Внутри *номенклатуры*, Горбачев рассчитывает на тех, кто хотел бы продвигнуться на посты, еще занимаемые „брежневцами”, и на тех патриотов, испытывающих тревогу и разочарование относительно положения дел в стране, или апеллирует к обеим этим категориям одновременно. Следует отметить, что относящиеся к первой категории будут поддерживать Горбачева лишь пока ветер дует в его сторону: их антисталинские эквиваленты 50-х годов, поддержанные Хрущевым, не колеблясь пошли против него в начале 60-х годов, когда он утратил политическое влияние.

Сам Горбачев — хороший пример синтеза амбиций и патриотической озабоченности. Он, в настоящее время, не только основной выразитель своей собственной политической линии, но, возможно, сильнейшая и самая эффективная ее сила.

Его поразительная смелость, яркость его личности, мастерство убеждать, гибкий ум, неисчерпаемая энергия, отсутствие тщеславия, умение маневрировать и неослабевающий напор на противников, которых он оттеснил на вторые роли, характеризуют его как выдающегося политика. Его отношение к народу и его редкая для советского политика способность непринужденно разговаривать с простыми людьми, тоже ему на пользу, по крайней мере, пока. Свое отношение к народу он выразил недавно в реплике одному иностранному коммунистическому лидеру: „они хотят сделать из меня Бога, но я не Бог. Если Бог есть, то это — советский народ”.⁹

Опасность таится в том, что если он не сможет обеспечить экономические блага для народа, его сочтут персонально за это ответственным. В этом случае его искусство убеждать может превратиться в увещания и, что еще хуже, его маневренность может привести его к авторитарным методам управления „сильной рукой”.

Горбачева должно тревожить, что его коллеги по Политбюро, кажется, нередко предпочитают оставаться в стороне, когда он выступает против существующего порядка. Как мы видели, его попытка ввести принцип выборности, который

может ослабить власть партии, была отвергнута на январском пленуме; тогда он удвоил усилия и организовал выборы в новом стиле в таких местах как Кемерово и Латвия. Его главные соратники в Политбюро — Егор Лигачев и Николай Рыжков — совершили тогда же важные поездки по стране, во время которых они поддержали некоторые политические акции Горбачева, но фактически игнорировали основное его начинание — переход к принципу выборности.¹⁰

Надо указать, что никто в нынешнем Политбюро не обязан своей карьерой лично Горбачеву; и все они заинтересованы в том, чтобы Горбачев не получил слишком большой личной власти.

Горбачев добился сильной поддержки в стержневом месте — в Секретариате ЦК, но среди 307 членов самого ЦК ситуация совсем иная. Он посвятил значительную часть своей заключительной речи на январском пленуме ответному удару по тем членам, которые сдерживали его или не согласились с ним в вопросе о выборах и по некоторым другим (как сообщают, таких было около половины).¹¹ Кроме того, заявив, что на этом следует закончить дискуссию о том, нужна ли вообще „перестройка”, он сделал ясным, что даже его стратегия в целом еще находится под огнем.

В дни после пленума Горбачев чувствовал необходимость пригрозить отставкой. Так, он сказал, что глубоко верит в начатое им и никогда не согласится остановить процесс перестройки, поскольку не желает быть связанным ни с какой другой политикой.¹²

В этом нет ничего удивительного, если учесть, что ведущие газеты и известные люди, такие как политический комментатор Александр Бовин, поэт Андрей Вознесенский, а также политические деятели, включая самого Горбачева, не раз в течение последнего года с тревогой говорили о врагах реформы, образующих „очень сильную реакционную группу”, „не потерявших надежды”, „выжидающих удобный момент”. Эти люди оказали почести чиновнику, осужденному за коррупцию, „вновь обнаглели” и пытаются „похоронить все новое”. Такова атмосфера, в которой циркулирует подпольно изготовленная видеолента с нападка на жену Горбачева.

Возможно, наиболее откровенным в этом отношении были выступления руководителей Союза писателей РСФСР в конце марта — это была слишком слегка замаскированная организованная атака на линию Горбачева с позиций „брежневцев”, за чем последовал призыв к контратаке. Высшей точкой этой демонстрации было выступление писателя Юрия Бондарева, давнего консерватора, утверждавшего, что фонарь *гласности* украден у справедливости и правды лжедемократами от литературы. Последние, как он сказал, получили монополию на *гласность* от „наших средств информации и печати”. Эта „всеразрушающая” группа „взяла в осаду” русскую литературу и, как нацистские захватчики в 1941 году, вынудила ее отступить, чтобы избежать полного разрушения: „если это отступление будет продолжаться и не наступит пора Сталинграда — дело кончится тем, что рациональные ценности и все, что является духовной гордостью народа, будут опрокинуты в пропасть”.¹³

Чтобы организовать такое собрание, а потом подробно осветить его в печати, нужно иметь могущественных политических покровителей. Вероятнее всего, что такие имеются в Политбюро или около него. Они осведомлены о „нутряных” чувствах консервативной части *номенклатуры* во всех ведущих учреждениях страны и выразили их на литературном форуме. Анархосиндикалистские обертоны горбачевской программы — представленные наиболее четко в его февральской речи и цитированные выше, должны были вызвать тревогу у консерваторов. „Оргия демократизации”, предложенная им, была покушением на привычную им систему и, в случае отсутствия сопротивления, „полностью бы ее разрушила”. С точки зрения консерваторов, эффект был бы как раз таким, который Горбачев демагогически отрицал, т. е. демократизация была бы использована народом „для дезорганизации общества и подрыва дисциплины, подрыва основ системы”. С точки зрения консерваторов, Горбачев лишь по наивности считает, что демократизация, которая действительно влила бы свежие силы в *номенклатуру* на всех ее уровнях, может привести к единству, а не к разброду.

Такие доводы, естественно, приходили на ум ортодоксам всех четырех опорных сил советской системы — в партии, в министерствах, в КГБ и в армии. Они легко могут создать

гораздо более сильную коалицию, чем та ограниченная и довольно хрупкая база власти, которой сейчас располагает Горбачев. Если это так, и если бывший советский чиновник Михаил Восленский прав, что сдвиги во мнении *номенклатуры* быстро создают новый баланс сил наверху,¹⁴ то, видимо, Горбачеву придется или отступить, или подвергнуть себя риску отстранения от должности, как это было с Хрущевым, в течение нескольких следующих лет. При темпераменте Горбачева и его все нарастающем радикализме второй путь более вероятен.

Но пока положение его кажется достаточно безопасным. Кроме его искусности в политических схватках, травма трех смен власти, зафиксированная Додером, еще слишком свежа в памяти *номенклатуры*, чтобы останавливать возможных заговорщиков. Похоже, Горбачев осторожно ограничивает власть своего политического соперника Егора Лигачева. Если, однако, Горбачев, как Хрущев, будет упорствовать в своем радикализме и при этом провалится с планами повышения жизненного уровня, трудно поверить, что он сможет удержаться у власти надолго. Нельзя полностью исключить возможность, что горбачевские реформы вызовут импульс, который приведет к беспрецедентным изменениям. Но советская система, на мой взгляд, не более восприимчива к преобразованию сейчас, чем 30 лет назад. Я думаю, что действенными средствами в такой ситуации могут стать лишь всегда требовавшиеся в русской истории на протяжении почти двух столетий: или распад общественного порядка, или военное поражение.

Наконец, последний вопрос: что более в интересах Запада — выживание Горбачева или его провал? Трудно сказать, но в любом случае глупо думать, что мы можем существенно повлиять на ситуацию, по крайней мере, предсказуемыми ныне путями.

Можно отважиться на предположение, что Горбачеву сейчас серьезно нужны ощутимые достижения, и поэтому он действительно готов на достижение договоренности с Соединенными Штатами по многим вопросам. Текущие переговоры о контроле над вооружениями, похоже, подкрепляют это мнение. В таком случае договоренность была бы выгодной и для Горбачева, и для Соединенных Штатов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 „Waiting for Gorbachev“ („В ожидании Горбачева“), The New York Review of Books, 10 октября 1985 г.; по-русски статья была напечатана в журнале „Проблемы Восточной Европы“, № 13–14, 1985 г., стр. 250–268.
- 2 “Comrade Chairman: Soviet Succession and the Rise of Gorbachev”, (Arbor House, 1987), Ричард Оуэн, московский корреспондент „Тайм“ с 1982 по 1986 гг. охватывает тот же период, что и Додер, но предваряет описание важным разделом, посвященным преемственности в советской истории от Ленина до Брежнева. Глубокий исторический и политический анализ склоняет автора к скептицизму в отношении горбачевских реформ. Мартин Уокер, московский корреспондент манчестерской газеты „Гардиан“ с начала 1984 года, напротив, утверждает в книге “The Waking Giant: Gorbachev’s Russia” (изд. Pantheon, 1986), что Горбачев „добьется частичного успеха“; он уделяет много места советским социальным и экономическим проблемам, а также политике. В книге “Gorbachev’s Challenge: Economic Reform in the Age of High Technology” (изд. Norton, 1987), Маршалл Голдман сосредотачивается на экономике и приходит к некоторым еще более скептическим заключениям. Напротив, Тимоти Колтон, в расширенном издании книги “The Dilemma of Reform in the Soviet Union” (Council on Foreign Relations, 1986), считает Горбачева искусным „умеренным реформатором“, который, вероятно, будет иметь успех в проведении умеренной социально-экономической реформы, но вряд ли захочет менять многое в политической системе.
- 3 Речь на съезде советских профсоюзов („Правда“, 26 февраля 1987 г.)
- 4 Из заключительной речи Горбачева на январском пленуме ЦК („Правда“, 30 января 1987 г.)

- 5 Речь Горбачева на открытии пленума („Правда“, 28 января 1987 г.)
- 6 „Правда“, 26 февраля 1987 г.
- 7 „Правда“, 30 января 1987 г.
- 8 См. статью Н. Берегова, The Washington Post, 19 апреля 1987 г. Согласно газете, Берегов – это псевдоним давнего московского диссидента социал-демократической ориентации, близкого к советской элите. Другой глубокий анализ Берегова появился в той же газете 7 декабря 1986 г. (Обе статьи были предоставлены газете „Вашингтон Пост“ редакцией журнала „Проблемы Восточной Европы“. Первая из них была напечатана в № 17–18 журнала, вторая – в этом номере, – Ред.)
- 9 The Washington Post, 10 марта 1987 г.
- 10 „Правда“, 6 марта (Лигачев) и 10 марта (Рыжков) 1987 г. В апреле Лигачев высказался о принципе выборности с большим энтузиазмом.
- 11 “Challenges Grow to Gorbachev’s Reform” (The Washington Post, 10 марта 1987 г.)
- 12 Радио Москва, 19 февраля 1987 г.
- 13 Речь Юрия Бондарева, „Литературная Россия“, 27 марта 1987 г.
- 14 См. Michael Voslensky “Nomenklatura” (изд. Doubleday, 1984).